

1988

СВОЯ СМЕНА

ИЛЪЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Своя смена

«Автор»

2026

Игнатов И.

Своя смена / И. Игнатов — «Автор», 2026

Я сказал отцу, что во всём виноват дед. Побоялся когда-то открыть мастерскую — вот мы и живём от получки до получки. С чужой жизнью всегда легко разобраться. В тот же вечер я прыгнул в реку за тонущим человеком. А выбрался в июле 1988-го. Ни денег, ни документов, ни дороги домой. Меня приютил Виктор — токарь, который поделился последним хлебом и признался, что мечтает работать на себя. У него семья, накопления за несколько лет и слишком много причин не рисковать. Зато у меня хватает уверенности за двоих. Тысяча двести стартовых рублей. Один арендованный станок. Первый серьёзный заказ, который может дать мастерской будущее — или оставить нас с долгами. Пока мы учимся зарабатывать, поставщик подсовывает сомнительный металл, человеку, которому доверяли, выдаёт наши расчёты конкуренту, а тот предлагает спасение. Снова стать рабочими. Только уже у него. Я хотел доказать, что деду просто не хватило смелости. И ещё не знаю, чью жизнь взялся менять.

© Игнатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Илья Игнатов

Своя смена

Глава 1

Получка

На третьем одинаковом подшипнике я перестал верить в невезение.

Первый развалился в феврале. Второй — перед майскими. Третий лежал у меня на ладони сейчас, в понедельник, двадцатого июля: тёплый, тёмный от смазки, с выкрошенной дорожкой. Мастер участка Валерий Петрович смотрел на него так, будто я достал из редуктора собственную лень.

— Опять китайское дерьмо, — сказал он.

— Этот российский.

— Значит, российское. Меняй.

Из соседнего пролёта грохотали металлические контейнеры. Там линия ещё работала, а на нашей уже собиралась очередь. Оператор Слава стоял у шкафа управления, сложив руки на животе. Когда станок простаивал, Слава выглядел как человек, которому наконец разрешили спокойно подумать. Когда работал — тоже.

— Если поменять, он опять развалится, — сказал я.

— Артём, нам до обеда запустить надо. Теорию вечером считаешь.

Я положил подшипник на чистую тряпку. Потом показал полосу на посадочном месте.

— Его перекашивает. Видишь, с одной стороны блестит, с другой почти нет следа? И муфта стоит не по оси.

— Она десять лет так стоит.

— Поэтому у нас подшипники десять лет заканчиваются.

Валерий Петрович посмотрел на меня. Я понял, что последняя фраза была лишней, но забирать её обратно поздно.

Он ушёл звонить начальнику производства. Я проверил, что питание отключено, и попросил Славу никого не подпускать к шкафу. Тот обрадовался важному поручению.

— Только сам туда не лезь, — добавил я.

— Чего сразу сам?

— Потому что ты в прошлый раз проверял, точно ли выключили.

— Ну так проверил же.

На ремонт дали сорок минут. Мы с напарником сняли ограждение, проверили крепление двигателя и обнаружили под одной лапой две сложенные жестянки. Кто-то давно устранил вибрацию самым дешёвым способом, а потом забыл. Металл продавило, двигатель сел набок. Мне стало почти весело: виноват оказался не подшипник и даже не судьба, а чужой обрезок консервной банки.

К обеду привод заработал. Звук стал ровнее, исчезла дрожь на коже. Я постоял рядом, придерживая ладонь у корпуса, и почувствовал то короткое удовольствие, ради которого ещё ходил на завод. До тебя было плохо. После тебя стало нормально. Это хотя бы можно проверить.

Валерий Петрович пришёл с начальником производства.

— Разобрались, — сказал он. — Подошли комплексно. Я давно говорил, надо крепление проверить.

Начальник кивнул и спросил, сколько простояли.

Обо мне не спросил.

После смены в телефон пришло уведомление о зарплате. Я остановился возле проходной, открыл приложение и ещё раз посмотрел на сумму. Не потому, что надеялся увидеть другую. Просто на экране она выглядела особенно маленькой.

Премия за устранение аварийной ситуации составляла тысячу восемьсот рублей.

На обратной стороне проходной висел плакат: «Наш главный ресурс — люди». По этому случаю людям поставили новый турникет, который через раз не читал пропуска.

Я вышел, наконец уговорив его признать меня ресурсом.

До дома было пять остановок. Я прошёл две пешком. Возле обувного магазина задержался: на витрине стояли рабочие ботинки, которые не надо было подклеивать каждую неделю. Потом посмотрел на уведомление о ближайшем платеже по кредиту и пошёл дальше.

Кредит я взял на стиральную машину и ремонт ванной. Банку было всё равно, что это не яхта.

В продуктовом купил хлеб, яйца и курицу по жёлтому ценнику. У кассы женщина впереди долго искала в сумке мелочь. Кассирша не торопила. За мной мужчина в хорошей рубашке громко вздыхал, чтобы все знали: его время стоило дороже.

Я поймал себя на том, что завидую не рубашке. Возможности раздражаться из-за нескольких минут, а не считать последние дни до полочки.

Дома отец лежал под кухонной мойкой.

Из шкафа торчали ноги. Рядом стоял таз, а на столе — чашка с остывшим чаем и разобраный сифон.

— Привет, — сказал я.

— Положи продукты. И не наступи на прокладку.

Я посмотрел под ноги.

— Она здесь одна, — уточнил отец. — Другой нет.

Прокладка была маленькая, чёрная и выглядела так, будто уже давно хотела уйти на покой. Я поднял её и положил на стол.

Отец выбрался из-под мойки. На переносице у него остался отпечаток дверной кромки. Ему было сорок шесть, но в этот вечер казалось больше. Не из-за морщин: у него было лицо человека, который давно привык вставать, даже если ещё не отдохнул.

— Получил? — спросил он.

Я показал телефон.

— Нормально.

— Что нормально?

Он взял чашку, вспомнил, что чай холодный, и поставил обратно.

— В смысле, не задержали.

Я убрал телефон.

Мама была на вечерней смене. Мы разогрели вчерашнюю гречку и нарезали хлеб. Отец спросил, что у меня на заводе. Я рассказал про подшипник, жёстянки и премию.

— Мастеру скажи, — посоветовал он.

— Он и так всё знает.

— Тогда выше скажи.

— А ты когда-нибудь говорил выше?

Он перестал жевать.

Я сразу понял, что попал не туда. Отец работал на том же заводе, только в другом корпусе, и спорить с начальством умел. Просто победы у него обычно хватало на исправленную ведомость или пару дней отпуска, а не на новую жизнь.

— Я тебе не враг, Тём, — сказал он.

— Знаю.

— По голосу не очень.

Мы немного помолчали. Вода в мойке опять начала капать, медленно, по одной капле. Отец прислушался, затем встал и подтянул гайку рукой. Капли прекратились.

— Дед твой тоже всё хотел сам, — сказал он, садясь. — Мастерскую собирался открыть. Ещё до того, как я в школу пошёл.

Я поднял голову.

— Какую мастерскую?

— Ремонтную. Он токарем был. Дельным. Люди к нему ходили, просили сделать то одно, то другое. А он думал: почему через чужих? Можно ведь организовать.

— И что?

Отец пожал плечами.

— Не организовал.

— Почему?

— Испугался, наверное. Деньги пришлось бы вложить. С работы уходить. Семья. Там много всего было. Я маленький был, не все разговоры понимал.

— А потом?

— Потом жизнь пошла. Другой завод. Переезды. Сначала заработать надо, потом ещё что-нибудь. Всё время потом.

Я посмотрел на таз под мойкой. На сколотую ручку чашки. На телефон с зарплатой, которой предстояло аккуратно разойтись по чужим счетам.

— Получается, он однажды струсил, а мы теперь за это платим.

Отец положил вилку.

— Не получается.

— Да почему? Если бы тогда начал, могло бы быть иначе.

— Могло. А могло и хуже.

— Вот. Опять это «могло хуже». Поэтому ничего и не меняется.

— Ты что изменил?

Сказал он тихо, без злости. От этого стало обиднее.

У меня в комнате лежала распечатанная заявка на курсы. Я собирался получить ещё одну специальность, потом думал подрабатывать ремонтом небольших станков. Даже составил список знакомых. Ничего из этого отец не видел. И тем не менее как-то знал, где надо ударить.

— Я хотя бы молодой, — ответил я.

— Он тоже был.

Я отодвинул тарелку.

— Ну и всё. Был молодой, руки были, голова была. Не рискнул. Остался рабочим. Ты рабочий. Я рабочий. Очень надёжно.

Отец некоторое время смотрел на меня.

— Не говори про человека, которого не знал.

У деда не осталось голоса, который я мог бы вспомнить. Он умер за год до моего рождения. Старые семейные фотографии потеряли ещё при переезде после затопления дома. Всё, что я знал, помещалось в несколько отцовских рассказов: работал, умел, помогал, заболел. Теперь добавилось — не решился.

Мне хотелось сказать что-нибудь последнее и убедительное. Вместо этого я встал.

— Пройдусь.

Отец не стал удерживать.

На улице было душно. Зареченск пах горячим асфальтом, рекой и ужином из открытых окон. Я шёл с рабочей сумкой на плече, потому что забыл оставить её дома. Возле остановки двое подростков спорили, чья колонка громче. Старик поливал из бутылки деревце в бетонном кольце.

Я свернул к воде.

Под новой дорогой сохранился старый водосброс — тёмная каменная арка, возле которой течение заворачивало неожиданно резко. Купаться здесь запрещали, но каждый год кто-нибудь проверял, насколько серьёзно.

На берегу стояли две пустые банки. Чья-то футболка лежала на ступени.

Я хотел пройти дальше, когда услышал всплеск.

В воде, возле арки, мелькнула рука.

Человек пытался ухватиться за камень. На нём была светлая рубашка, прилипшая к плечам. Течение разворачивало его лицом к стене.

— Эй! — крикнул я.

Он повернулся.

На секунду мне показалось, что он узнал меня. Или ждал, что я окажусь именно здесь.

Я поставил сумку повыше, вытащил телефон из кармана. На экране было двадцать часов одиннадцать минут. Бросил его внутрь, расстегнул ботинки.

Потом прыгнул.

Глава 2

Не тот берег

До рубашки оставалось метра три.

Я видел её сквозь воду: белёсое пятно, руку, тёмную голову. Сделал ещё гребок, и течение дёрнуло меня вбок с такой силой, будто кто-то взял за плечо. Подошва коснулась камня. Я попробовал оттолкнуться, но нога провалилась между плитами.

Вода была тёплой сверху и ледяной ниже колен. Я успел удивиться этому, прежде чем меня накрыло.

Ни руки, ни рубашки больше не было.

Я ударился плечом о стену и потянулся туда, где должен был находиться воздух. Вместо поверхности увидел светлую полоску, стоявшую поперёк течения. Внутри неё камни казались сухими. Это было невозможно, но разбираться в невозможном под водой неудобно.

Я вцепился в край плиты.

Пальцы соскользнули.

Последнее, что услышал, было похоже на заводской гудок. Не автомобильный сигнал, не шум дороги — длинный звук, который я знал только по старым фильмам.

Потом кто-то сильно надавил мне на грудь.

— Дыши, зараза.

Я закашлялся. Воздух оказался горячим и пах мокрой травой. Человек над мной перестал давить, перевернул меня на бок и сказал уже спокойнее:

— Во. Теперь сам.

Я долго кашлял, упираясь ладонями в землю. Он сидел рядом на корточках и придерживал меня за плечо. На его предплечье тянулась неглубокая царапина. Светлая рубашка была мокрой, волосы прилипли ко лбу.

— Ты... — начал я.

— Я, — согласился он. — Кого-то другого ждал?

Мне снова пришлось кашлять.

Рубашка была похожа на ту, которую я видел в воде. Но человек выглядел сухим выше пояса, если не считать груди и рукавов. Он явно не плыл через арку вместе со мной. Я не мог понять, где мы успели поменяться местами.

— Там был ещё один, — выговорил я.

Он оглянулся на реку.

— Где?

— У стены.

Мы оба посмотрели. Вода блестела на солнце. Возле каменной арки крутился лист. Больше никого.

— Я тебя одного видел, — сказал мужчина. — Ты уже хлебал. Я сначала решил, купаешься так.

Он говорил без насмешки. Осторожно, как с человеком, которого лучше лишний раз не волновать.

— Встать можешь?

Я попробовал. Ноги держали, но голова закружилась. Он подставил плечо, и мы поднялись вместе.

Сначала я заметил отсутствие дороги.

Она должна была проходить почти над нами. Бетонные опоры, ограждение, непрерывный шум. Теперь на её месте торчали кусты, а выше по склону стояли небольшие дома с деревянными заборами. Я поискал глазами поворот и понял, что смотрю в правильную сторону.

— Что с мостом?

Мужчина нахмурился.

— С каким?

— Здесь дорога была.

— Дорога вон. — Он показал дальше, к грунтовому спуску. — Ты головой не ударился? Я посмотрел на него.

Ему было немного больше, чем мне. Широкие кисти, тёмный след от масла у ногтя большого пальца. Сильное лицо с чуть приплюснутым носом. Ни телефона, ни наушника, ни чего-нибудь, за что можно было бы ухватиться и сказать: обычный человек, обычный день.

— Сумка, — вспомнил я. — Там сумка осталась.

— Где?

Я показал наверх.

Мы поднялись по склону. На месте бетонной ступени был рыхлый берег. Не было ни сумки, ни банок, ни чьей-то футболки. Арка оставалась той же, даже светлый скол на камне был там, где я помнил. Всё вокруг неё изменилось.

Я потрогал траву, словно по её качеству можно было определить, что со мной сделали.

— Унесли? — спросил мужчина.

Я не ответил.

Он внимательно посмотрел на мою мокрую рабочую футболку с небольшим знаком предприятия, затем на босые ноги.

— Давай сначала к фельдшеру. Тут недалеко. Потом разберёмся с твоим мостом.

Меня раздражала его уверенность. Я собирался возразить, что со мной всё в порядке, но на втором шаге пришлось снова схватиться за его руку.

— Виктор, — сказал он.

— Что?

— Меня так зовут. А тебя?

— Артём.

— Хорошо, Артём. Только давай идти, пока солнце. У меня в комнате переоденешься потом.

На улице стоял зелёный грузовик с круглой кабиной. Мужчина возле него курил папиросу и смотрел на нас без особого интереса. За забором женщина вытряхивала половик. Из открытого окна играл радиоприёмник.

Мне стало страшно.

Не резко, как под водой. Постепенно. С каждым новым предметом я находил всё меньше объяснений.

Мы прошли мимо газетного киоска. На стекле было написано «Союзпечать». На стойке лежали журналы, которых я никогда не видел новыми. За нами прошла женщина с сеткой в руке. Не с модной многоцветной сумкой, а с обыкновенной сеткой, внутри которой лежали два батона и бутылка молока.

— У вас здесь кино снимают? — спросил я.

Виктор остановился.

— Какое кино?

— Историческое.

— Ты из больницы не ушёл случайно?

Это было хуже любого ответа.

Медицинский пункт находился в небольшом здании рядом с мастерскими. Виктор знал, где вход, и сразу окликнул кого-то по имени. Фельдшер, невысокая женщина в очках, велела мне сесть, проверила пульс и спросила, сколько времени я был в воде.

— Не знаю.

— Сознание терял?

— Наверное.

Она посветила мне в глаза, осмотрела плечо. На стене висел календарь. Я видел число двадцать, слово «июль» и крупные цифры года.

1988.

Я смотрел на них, пока женщина не спросила повторно:

— Фамилия?

— Доронин.

Она записала.

— Артём... Отчество?

— Сергеевич.

— Документы с собой?

Я покачал головой.

— Где живёте?

Я назвал свою улицу и дом.

Виктор, сидевший на стуле возле двери, поднял голову.

— Тут такого дома нет.

— Есть.

— Улица есть. Домов там до четырнадцатого.

Мой был тридцать восьмой.

Фельдшер перестала писать и посмотрела на меня поверх очков.

— Не в Зареченске живёте?

— В Зареченске.

Она ничего не ответила. Это молчание было профессиональным и оттого особенно неприятным.

Мне дали сухое полотенце и велели некоторое время не вставать. Виктор вышел. Я остался перед календарём, прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Думал о том, что после недостатка воздуха люди могут вести себя странно. Что всё это ещё можно объяснить больницей, травмой, дурным сном.

На подоконнике стоял металлический чайник. В стакане лежал ртутный термометр. В коридоре говорили о поставке бинтов.

Ни одна мелочь не выбивалась.

Я подошёл к окну. Во двор заехал автобус, из него вышли несколько рабочих. Один взял другого за локоть, показал что-то на бумаге. Они спорили, не оглядываясь на декорации вокруг.

Не было декораций. Был день, который для них шёл своим ходом.

Когда Виктор вернулся, у него под мышкой была сложенная рубашка, в руке — старые сандалии.

— Великоваты будут, — сказал он. — Но лучше, чем босиком.

— Какой сегодня год?

Он медленно положил вещи на стул.

— Восемьдесят восьмой.

— Ты точно знаешь?

— Артём.

Он произнёс моё имя как просьбу остановиться.

Я взял рубашку. Ткань была грубой, выстиранной много раз, с потёртостью на воротнике. Настоящая рубашка человека, который не собирался меня обманывать.

За дверью слышались шаги.

Вошёл мужчина в форме. Не в современной полицейской, а в той, которую я видел на старых фотографиях. Он снял фуражку, поздоровался с фельдшером, затем со мной.

— Андрей Николаевич Колесников. Расскажите, что случилось.

Я открыл рот и не нашёл ни одного слова, которое не сделало бы хуже.

Он подождал, потом придвинул стул.

— Начнём с простого. Кому можем сообщить, что вы здесь?

Глава 3

Комната Виктора

Вопрос о родных оказался труднее вопроса о годе.

Я помнил номера телефонов только приблизительно. Даже если бы помнил точно, одиннадцать цифр здесь ничего не означали. Отец в это время был ребёнком, мама — тоже. Позвонить им и попросить забрать меня после неудачного купания не получалось ни в каком варианте.

— Пока никому, — ответил я.

Колесников не удивился. Только положил фуражку на колени.

— Жена есть?

— Нет.

— Родители?

— Есть.

— Где живут?

Я посмотрел на свои руки. Под ногтями оставалась чёрная смазка, которую не отмыла река.

— Не могу сейчас объяснить.

— Не хотите или не можете?

Я выбрал второе. Это была первая ложь. Возможно, не полная: объяснить я действительно не мог. Но память у меня не пропала, и я слишком хорошо понимал, почему скрываю её.

Колесников задал ещё несколько вопросов. Сколько мне лет, где учился, чем занимался. Про техникум и слесарную работу я рассказал правду, пропустив названия, которые могли возникнуть позже. Когда он спросил о месте рождения, я назвал город. Там действительно родился я, но в записях за подходящий год меня искать было бессмысленно.

— Возьмём объяснение, — сказал он. — Проверим. Находиться здесь без документов просто так не получится. Если вспомните что-нибудь, сразу скажите.

— Мне дадут какую-нибудь бумагу?

— Бумага о том, что вы заявили об утрате, не сделает вас человеком с установленной личностью.

Он сказал это спокойно, без угрозы. Я впервые почувствовал, насколько серьёзно застрял. Деньги можно заработать. Рубашку можно одолжить. А доказать двадцать четыре года собственной жизни невозможно, если они ещё не наступили.

Фельдшер настояла на повторном осмотре в больнице. К вечеру меня отпустили с предупреждением вернуться при ухудшении самочувствия. Колесников записал адрес Виктора и велел не исчезать.

Сам Виктор уже начинал понимать, что вытащил из реки не самую простую находку.

— Я тебя не знаю, — сказал он по дороге. — Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда без глупостей. Переночуешь, утром подумаем.

Я согласился слишком быстро.

Его комната находилась в старом доме с облупившейся верандой. На подоконнике росли герани, во дворе стояла бочка с дождевой водой. Хозяйка открыла дверь, посмотрела на меня, на Виктора и снова на меня.

— Это что?

— Человек.

— Я вижу, не шкаф.

— Он чуть не утонул, Марья Фёдоровна.

— И теперь будет сохнуть у меня?

Виктор поставил перед ней небольшой свёрток.

— За молоко. И ещё за продукты докину.

Она не взяла свёрток сразу.

— Документы у него?

— В милиции разбираются.

— Это ответ плохой.

— Другого пока нет.

Она долго смотрела на него, потом отступила.

— Кран до конца закрывайте. И на кровать мокрым не садиться.

Комната была небольшая. Узкая кровать, шкаф, стол, табурет и раскладушка у стены. Над столом висела полка с книгами, возле шкафа стоял ящик с инструментом. На гвозде — рабочая куртка.

Я сразу понял, что раскладушка не приготовлена для гостей. На ней лежала аккуратная стопка вещей, которые Виктор некуда было убрать.

Он снял их и вынес во двор мои мокрые брюки.

— Сколько? — спросил я.

— Что сколько?

— Я тебе должен.

— Сначала высохни. Потом будем с тебя состояние снимать.

У него не было ощущения, что он совершил подвиг. Он просто продолжал делать то, что начал у реки. Это сбивало меня сильнее календаря.

Виктор поставил на плитку маленькую кастрюлю. Пока вода грелась, я разглядывал комнату. На столе лежал карандаш, несколько листов с размерами и сберегательная книжка. Он заметил мой взгляд и убрал книжку в ящик.

— Копишь? — спросил я.

— Пытаюсь.

— На квартиру?

Он усмехнулся.

— На квартиру я так до старости не накоплю. Семейную комнату обещали, когда сюда ехал. Пока вот.

— Жена есть?

— Лена. И малой. У тёщи пока живут. Я деньги отправляю.

Он сказал это обычным голосом, но я заметил, как посмотрел на свободный угол возле шкафа. Будто прикидывал, можно ли туда поставить ещё одну кровать.

— Давно здесь?

— Второй год. На завод людей набирали. Думал, перевезу. Всё как-то переносится.

Мы поели картошки с огурцами. Потом Виктор разрезал пополам кусок хлеба, оставшийся на доске, и подвинул половину мне.

— Ты где работал-то?

Я рассказал о ремонте привода. Без названия предприятия и без телефона, на который пришла премия. Виктор слушал внимательно, затем уточнил, как проверял соосность. Я объяснил. Он кивнул.

— Похоже, правда слесарь.

— А на что похож?

— Пока на человека, которому сегодня лучше не спорить с рекой.

Я посмотрел на листы.

— Это твоё?

— Моё.

Он развернул верхний чертёж. Вернее, набросок: разрез, несколько размеров, рядом старый ролик с истёртой втулкой.

— На базе тележки убиты. Механик просил посмотреть. Оси есть, втулки почти все съедены. Тут подточить, тут сделать. Ничего сложного, а всё время тянут.

Я взял ролик. На внутренней поверхности шли тёмные полосы. С одной стороны втулка выработалась заметно сильнее.

— Почему к тебе?

— Потому что сделать могу.

— Так сделай.

Виктор улыбнулся. Не весело.

— На каком станке?

— Ты же токарь.

— Станок заводской. И металл заводской. А просит база. Я не могу после смены сам себе разрешение выдать.

Я положил ролик.

В моё время люди тоже любили пользоваться чужим оборудованием, но здесь вопрос прозвучал особенно ясно. У Виктора был навык. Станка у него не было. Я машинально перескочил через самую дорожную часть.

— А организовать? — спросил я.

Он немного помолчал.

— Кооператив, что ли?

— Почему нет?

— Потому что «почему нет» ничего не стоит.

Он собрал листы, не убирая далеко.

— У нас один уже начал. Крутов. Работать умеет, людей знает. А у меня что? Деньги, которые домой надо. И комнату потерять не хочется.

— Ты всю жизнь так будешь ждать?

Виктор поднял глаза.

Я вспомнил отца за кухонным столом и замолчал. Слова опять получались одинаковыми, будто других у меня не было.

— Я тебя сегодня из воды достал, — сказал он. — Давай сначала разберёмся, как ты завтра ходить будешь. Потом обсудим мою жизнь.

Он выключил плитку и принёс с веранды раскладушку.

Лёжа под тонким одеялом, я слушал, как хозяйка закрывает дверь, как во дворе капает вода из моих брюк. За стеной гудел приёмник. Виктор ещё некоторое время перебирал бумагу у стола.

Я не смог уснуть.

В голове стояли две картины: отец под мойкой и чужая сберегательная книжка, которую Виктор спрятал от меня. Я почти ничего не знал о человеке рядом, но уже успел решить, что он неправильно живёт.

— Вить, — сказал я в темноте.

— Что?

— Покажи завтра этот ролик ещё раз.

Он не ответил сразу.

— Зачем?

— Там втулкой, по-моему, не обойдётся.

Зашуршала бумага.

— Ну вот, — сказал Виктор. — Ещё один расход нашёл.

Глава 4

На словах легко

Утром Виктор ушёл на смену, оставив мне хлеб, два яйца и полтора рубля.

Деньги лежали под стаканом. Я долго смотрел на них, прежде чем взял. За последние сутки меня одели, накормили, уложили спать и теперь ещё снабдили на день. Чувствовать себя спасённым было приятнее, чем чувствовать себя иждивенцем.

Во дворе Марья Фёдоровна вынимала из бочки ведро.

— Живой? — спросила она.

— Вроде.

— Тогда помоги.

Я вылил воду в две лейки, отнёс к грядкам. Потом починил ручку на двери сарая. Работа оказалась знакомой, и на полчаса мне стало легче.

— Гвозди в банке, — сказала хозяйка.

— Шурупы есть?

— Если бы были, я бы сказала «шурупы в банке».

К обеду я вернулся к реке. Никакой полосы света там не было. Вода проходила под аркой, заворачивала вдоль стены и уходила дальше. Я прошёл по берегу, посмотрел с другой стороны. Нашёл привычный светлый скол. Положил на него ладонь.

Камень был горячим.

Под новой дорогой в моём времени это место почти всегда находилось в тени.

Я попробовал представить, что надо сделать, чтобы вернуться. Прыгнуть ещё раз? Дождаться того же времени? Снова удариться плечом о стену? Мысли становились всё опаснее. Я сел на траву и дождался, пока желание проверить их ослабнет.

Мне не хотелось погибать человеком, которого никто не сможет даже правильно назвать.

Когда Виктор вернулся, я уже сидел за столом с роликом.

— Хозяйка сказала, ты дверь сделал, — сообщил он.

— Она давно хотела?

— Она три месяца говорила, что я могу сделать. Я говорил, что вечером. Теперь ей придётся придумать что-нибудь другое.

Он вымыл руки, снял куртку и подвинул табурет.

— Ну?

Я показал выработку.

— Не только втулка. Ось тянет вбок. Если поставить новую на то же место, её опять съест.

— Ось я проверял.

— Тогда крепление. Посмотреть надо на месте.

Виктор выслушал. Потом дал мне карандаш.

— Нарисуй, что предлагаешь.

Я нарисовал более плотную посадку, почти не оставив зазора. Хотел убрать болтанку, которую представлял по изношенной детали. Он посмотрел и усмехнулся.

— А вращаться оно как будет?

— На смазке.

— На надежде. Вот здесь нагреется, сюда грязь зайдёт, и у тебя получится прекрасная неподвижная тележка.

Я посмотрел ещё раз. Конечно. В голове я ремонтировал конкретный современный узел, который недавно видел, и незаметно перенёс его устройство сюда. Разные детали показались достаточно похожими.

— Ладно, — сказал я. — Это неправильно.

Виктор удивлённо поднял глаза.

— Что?

— Неправильно предложил.

— Хорошо, что сразу.

Он развернул свой набросок и показал канавку для смазки. Я уточнил, как часто её добавляют. Он пожал плечами: на базе никто толком не знал.

— Тогда надо посмотреть весь узел, — повторил я. — Не размер старой втулки, а почему она такой стала.

— Вот это уже нормально.

Мы пошли на базу после ужина. Виктор заранее спросил у механика, можно ли прийти. Механик оказался худым человеком с грязным полотенцем на плече. Он как раз ругался с двумя грузчиками из-за оставленной под дождём тележки.

— Громов, — сказал он, увидев Виктора. — Ну наконец.

— Я не обещал когда.

— А я надеялся когда-нибудь до пенсии.

Механик показал ряд тележек. У одной ролик не вращался совсем. У другой кронштейн был погнут, третья стояла набок из-за разного диаметра колёс. Я присел, потрогал ось и увидел то, что искал: боковую нагрузку давала не одна причина. Изношенное крепление, перекошенная рама, грязь, которую годами запихивали смазкой глубже.

— Нам втулки надо, — сказал механик.

— И кронштейн здесь править, — ответил я. — Иначе новые уйдут.

Он посмотрел на меня.

— А это кто?

— Со мной, — сказал Виктор.

Механик перевёл взгляд обратно.

— Я тебе говорил, оси нормальные. Нам детали сделать. Остальное сами.

— Остальное и съедает детали, — ответил я.

— У нас всё что-нибудь съедает. Ты лучше скажи, можешь или нет.

Я хотел назвать срок, но Виктор взял меня за локоть.

— Посмотрим сначала. И договориться надо, через кого работу делать.

На выходе я сердился.

— Почему ты сразу не сказал цену?

— Потому что цены нет.

— Мы же видим работу.

— Видим. Станка нет. Организации нет. Материала нет. Кто за что заплатит, тоже нет.

Ты ему что продавать собрался?

Я промолчал.

Через два дома от Виктора жил Семён Ильич. Знакомый мастер, к которому, по словам Виктора, лучше идти с вопросом, а не с готовым ответом. Дверь он открыл не сразу. На плечах у него была расстёгнутая рубашка, в руках — паяльник и небольшой провод.

— Если утюг, завтра, — сказал он.

— Не утюг.

— Значит, хуже.

Он впустил нас в кухню. Возле окна лежали разложенные часы, рядом стояла тарелка с недоеденным ужином. Виктор показал чертёж и рассказал о базе.

Семён Ильич спросил про размеры, смазку и нагрузку. Потом спросил меня, чем я собираюсь проверять посадку. Я назвал приборы. Он кивнул. Попросил объяснить, почему решил, что дело в перекосе. Я объяснил.

— Толковый? — спросил он у Виктора, будто меня рядом не было.

— Проверяем.

— Проверьте ещё. Слишком быстро отвечает.

Мне захотелось возразить. Вместо этого я посмотрел на его руки. Правая кисть была искривлена старой травмой, но маленькую часовую деталь он взял так, словно пальцы забыли об ограничении.

— Можно кооператив, — сказал Виктор неожиданно. — Ремонтный. С этим же есть работа.

Семён Ильич отложил паяльник.

— Работа есть. А вы есть?

— В каком смысле?

— После гудка домой не уйдёте, когда скучно станет? Или когда платёж задержат? Или когда одна деталь всю выручку испортит?

Он говорил без нажима. Как про погоду, которую не отменяет желание выйти на улицу.

— Я могу делать, — сказал Виктор.

— Знаю. Делать ты и сейчас можешь. Тут другое надо.

На обратном пути Виктор шёл молча. У его дома зажгли свет, на веранде громко разговаривала хозяйка. Над крышей медленно выходила луна.

— Раису Петровну знаешь? — спросил он.

— Нет.

— У нас на ремонтном участке бухгалтер. Если начинать, к ней сначала. Она скажет, сколько стоит моя смелость.

— Начинаем?

Он остановился, посмотрел на меня.

— Узнаём. Это пока дешевле.

Глава 5

Своё — это сколько?

Раиса Петровна согласилась встретиться в субботу. До этого Виктор дважды разговаривал с ней на работе и один раз вернулся домой с выражением лица, которое бывает у человека после посещения зубного врача.

— Сказала принести расчёт, — сообщил он.

— Принесём.

— Не рассказ. Расчёт. Она отдельно уточнила.

Мы просидели над листом два вечера. Я написал, какие ремонты видел на базе. Виктор посчитал время обработки. По станку Семён Ильич обещал только осмотр: без него ставить цифру не позволил.

На первой странице получалось довольно бодро. На второй, где пошли расходы, бодрость закончилась.

Раиса Петровна пришла с матерчатой сумкой. В ней лежали тетрадь, карандаш, очки в жёстком футляре и небольшой свёрток.

— Это не вам, — сказала она, заметив, как я посмотрел на свёрток. — Это хлеб домой. Начинайте.

Мы сидели за столом у Виктора. Семён Ильич занял табурет возле окна и сразу предупредил, что до вечера не останется: у него ещё свои дела. Потом остался до вечера.

Виктор объяснил, что хочет делать. Раиса слушала, не перебивая. Когда он закончил, она взяла карандаш.

— Кто участники?

— Я. Семён Ильич, если согласится. Вы, если...

— Я не для числа.

— Понимаю.

— Не уверена. Участие — это работа, деньги и ответственность. Удобно позвать бухгалтера, чтобы она приходила, когда у вас кончилась бумага. Но это не участие.

Она посмотрела на меня.

— А вы?

Я рассказал о документах. Очень коротко. Она сняла очки.

— Тогда на вас ничего не оформляем. Ни договоров, ни кассы. Пока ваша личность не установлена.

Мне стало стыдно так, будто я сам выбрал родиться позже положенного.

— Помогать-то могу?

— Разговоры вести можете. Советовать можете. С работой придётся разбираться отдельно. И не надо потом говорить, что я разрешила всё сразу.

Семён Ильич посмотрел в окно. Он уже знал про реку и подозрительную память, но вопросов не задавал. Возможно, копил их.

Раиса вернула очки на нос.

— Деньги?

Виктор назвал семьсот рублей.

Она помолчала.

— Всё?

— На дело. Ещё домой оставляю.

— Оставьте больше, чем думаете. Первое время вы будете работать и ждать деньги одновременно.

Семён Ильич сказал, что может внести двести и часть личного инструмента. Раиса — триста. Я сидел с пустыми руками и чувствовал себя человеком, который пригласил других попробовать тонкий лёд.

Она сложила суммы.

— Тысяча двести. И инструмент, если оценим и оформим. Теперь, молодые люди, расскажите, что у нас будет после первого месяца.

Мы начали рассказывать.

Она зачёркивала.

Аренда у нас была приблизительная. Перевозка — почти бесплатная, потому что «можно попросить». Инструмент — у кого-нибудь найдётся. Платёж клиента — сразу после работы. Электричество вообще отсутствовало как расход: я подумал о нём ровно в ту секунду, когда она спросила.

— У вас тут станок работает от дружбы, — сказала Раиса.

Семён Ильич хмыкнул.

— Дружба тоже греется, если перегрузить.

К полудню от нашего расчёта осталось меньше половины.

— Но работа-то нужна, — сказал я.

— Нужна. Это единственная хорошая цифра, которую вы сегодня принесли.

— Цифра?

— Количество людей, готовых за неё платить. Пока один.

Она не старалась нас унизить. Я сначала не понял этого. Мне казалось, что она наслаждается тем, как всё рушится. Потом увидел, что она переписывает лист аккуратно, оставляя пустые строки для неизвестных расходов. Если бы хотела просто отказать, уже ушла бы.

Виктор вынес на стол сберегательную книжку.

— Я хочу начать, — сказал он. — Не хочу больше сидеть с этим у себя в комнате.

Раиса посмотрела на него, потом на Семёна.

— А вы?

— Если станок найдём живой, можно работать, — ответил тот. — Мёртвый нам дешевле не станет.

Она достала чистый лист.

Мы обсуждали название. Я предложил несколько громких вариантов. Виктор слушал с мучительным терпением, Семён Ильич спросил, что будет написано на детали: название или размеры.

В конце выбрали «Ремонтник».

Просто. Даже обидно просто после того, сколько я успел придумать.

Раиса начала записывать будущие обязанности. Председателем должен был стать Виктор. Она брала учёт и организационные вопросы, Семён — наладку и техническую работу. Решения о серьёзных тратах собирались принимать вместе.

— А если я против? — спросил Виктор.

— Объясните почему.

— Я председатель.

— Поэтому особенно объясните.

Он впервые за день улыбнулся.

После встречи мы пошли к Семёну за инструментом, который он обещал показать. До денег ещё никто не добрался, но Виктор держал папку так, будто внутри уже находилась мастерская.

В понедельник он отнёс бумаги на оформление. Часть пришлось переделать. Раиса выяснила, чего не хватало, и не позволила никому обижаться на требования, которые можно было выполнить.

Я в это время вернулся к хозяйкиной двери. Ручка держалась. Это оказалось единственной законченной работой, за которую я отвечал здесь полностью.

Колесников приходил вечером. Уточнил сведения, попросил ещё раз вспомнить последнее место жительства до Зареченска. Я повторил, что не могу дать надёжный ответ. Он посмотрел на мои записи по ремонту.

— В размерах память лучше работает?

— Похоже.

— Плохо, если избирательно. Нам всё равно выяснять придётся.

Он ушёл, не хлопнув дверью. После него в комнате стало теснее.

— Если из-за меня проблемы будут... — начал я.

Виктор сел на кровать.

— Они уже есть. Хозяйка спрашивает, сколько ты у неё ещё без документов поживёшь. Я спрашиваю то же самое. Только ответа пока нет.

— Я могу уйти.

— Куда?

Я не ответил.

Он потёр лицо ладонями.

— Давай хотя бы не делать вид, что ничего нет.

На следующий день Виктор разговаривал с заместителем директора, Карповым. Тот поначалу назвал затею вечерним кружком, затем услышал, что бумаги поданы, и стал осторожнее.

— Участок есть, — передал Виктор. — За складом, отдельный вход. Станок там тоже. Только говорит, сначала смотреть, потом обсуждать.

— Смотрим.

— Ты на завод не пойдёшь. Семён со мной.

Я хотел возразить, но вспомнил Колесникова.

Виктор положил папку на стол, сел и достал из кармана карандаш. Острый, короткий, с обкусанным концом.

— Тысяча двести, — сказал он.

Не мне. Себе.

Я впервые услышал в этой сумме годы, за которые она собралась.

Глава 6

Станок на балансе

Я узнал о первом станке по лицу Семёна Ильича.

Они вернулись к обеду. Виктор ещё пытался выглядеть спокойным. Семён положил на стол маленькую металлическую линейку и сказал:

— Не берём.

— Совсем? — спросил я.

— Можешь взять. Цветы на него поставить.

Виктор сел.

Станок стоял во вспомогательном участке возле заводского склада. Его давно перестали использовать для точной работы. На направляющих была сильная выработка, суппорт уходил неровно, а часть деталей сняли для ремонта других машин.

— Карпов говорит, почти даром отдаст в аренду, — сказал Виктор.

— Он сдаст вам дорогое разочарование за маленькую месячную плату, — ответил Семён.

Я спросил, нельзя ли восстановить.

Можно было. Почти всё можно восстановить, если не считать деньги и время. Семён перечислил, что потребуется, и я постепенно перестал хотеть этот станок.

— А помещение? — спросил я.

— Помещение годится. Подвод питания смотреть, крышу подлатать, место привести в порядок. Карпов хочет, чтобы мы сами ремонтировали то, чем пользуемся. И чтобы потом не говорил кто-нибудь, что у него со склада станок исчез.

— Может, начать на другом участке? По вечерам?

Виктор посмотрел на меня.

— Нам нужен свой режим работы. Если ждать, пока основной цех освободится, заказ будем делать до нового года.

Он говорил уже иначе, чем неделю назад. Не «если получится», а «нам нужен». Я заметил это и не стал портить похвалой.

Юрий Сухов появился вечером.

Я сначала услышал его во дворе: он разговаривал с Марьей Фёдоровной так, будто она давно ждала именно его. Через минуту вошёл с сеткой яблок и сразу положил одно Семёну.

— Кочетов, зубы ещё все?

— Для тебя хватит.

— Тогда держи.

Юрий был худым, быстрым, с загорелой шеей и светлыми волосами, которые всё время падали на глаза. У него каждый вопрос звучал уже наполовину решённым.

— Громов, ты чего мне не сказал?

— Чего?

— Что железо ищешь. Я же по конторам целыми днями мотаюсь. У нас в районной ремонтной один стоит. Помещение им освободить надо, а куда ставить, сами не знают.

— Какой?

— Один ка шестьдесят два. Не новый. Но работает. Я видел.

— Как работает? — спросил Семён.

— Крутится.

— Вентилятор тоже крутится.

Юрий засмеялся, не обидевшись.

— Так поехали, сами посмотрите. Я свяжусь с ними. Начальник там меня знает.

Он рассказал, что служит экспедитором в ремонтной организации: получает грузы, возит документы, спорит на складах. О своей работе говорил без важности, но становилось ясно, почему знает, в какой конторе стоит лишний станок. Он действительно бывал там, куда мы только собирались позвонить.

— У них его не списали? — спросила Раиса, пришедшая за исправленным листом.

— На балансе.

— Тогда сначала выясните, кто вправе договор подписать.

Юрий поднял руки.

— Выясним. Никто в одеяле через забор не понесёт.

Она взяла яблоко, осмотрела и положила обратно.

На осмотр поехали втроём: Виктор, Семён и я. До ремонтной организации добрались автобусом, потом прошли по жаре почти два километра. Юрий ждал у проходной. У него на рубашке проступили мокрые пятна, но довольным он быть не перестал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.